

Православный ВЕСТНИК

МАЙ 2018

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

- 3** Вознесение Господне
6 Пусть он нас не поймает!

- 9** Генеральная уборка
перед Пасхой
9 Венчание

- 10** Назовут тебя Ангелиной
12 «За Сашу...»
14 Контузенные
22 Старость
24 Мы Им живём и
движемся, и существуем

- 27** Детская страница

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au
e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

Вознесение Господне

17 мая 2018 года

Вознесение Господне – двунадесятый праздник, относящийся к праздникам подвижного цикла. Он празднуется в четверг шестой (после Пасхи) недели, т.е. в сороковой день от Пасхи. Этот праздник знаменует собой важный рубеж: Христос завершает дела, ради которых пришёл на землю, и возносится к Своему Отцу.

Вознесение Господа Иисуса Христа на небо относится к знаменательнейшим событиям священной истории. После него видимое земное присутствие Христа уступает место Его невидимому пребыванию в Церкви. И, разумеется, это не могло не быть отмечено отдельным праздником.

Согласно Священному Писанию, после Своего Воскресения из мёртвых Спаситель в течение 40 дней неоднократно являлся ученикам, удостоверяя их в истинности Своего телесного воскресения, говоря с ними о Царствии Божием, укрепляя в них веру и подготавливая к принятию Святого Духа. В день Вознесения Его слова звучали особенно пронзительно, указывая на важность этого рубежа.

И, собрав их, Он повелел им: *не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым* (Деян. 1:4-5).

Чувствуя всю важность момента, ученики стали спрашивать Его:

Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? (Деян. 1:6).

Ещё не будучи просвещены Святым Духом, они всё ещё ждали наступления земного царства Мессии. Но Господь в ответ говорит им очень важные слова:

Не ваше дело знать времена или сроки,

которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли (Деян. 1:7-8).

После этого Господь Иисус Христос вывел учеников из города в Вифанию, на гору Елеон, и, подняв Свои руки, подал им благословение, а затем стал отдаляться от них и возноситься на небо (см. Лк. 24:50-51). Его вознесение было физическим и зримым возвращением на небеса, что свидетельствовало об успешном завершении Его земной миссии. Оно происходило постепенно, и это видели многие свидетели. И тогда явились два мужа в белой одежде и сказали им:

Мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо (Деян. 1:11).

Ученики же поклонились Христу и, исполненные радости и благоговения, вернулись в Иерусалим (см. Лк. 24:52), где через несколько дней на них сошел Святой Дух (см. Деян. 2: 1–4).

Вознесение Господне как одна из тайн домостроительства спасения превосходит чувственный опыт и не ограничивается только событием ухода воскресшего Христа на небо. Не случайно и Символ веры говорит о Вознесении Христа и Его сидении по правую руку от Отца в Царствии Небесном: «И возшедшаго на небеса и седяща одесную Отца». При этом

возвращение Христа к Отцу Небесному обычно предстает в теснейшем единстве с Его вторым пришествием в мир (как об этом было возвещено ангелами), которое осуществляется «с силою и славою великою», и Им будет дан суд миру, и Царство Его не разрушится (см. Дан. 7:13-14, Мф. 24:30, Откр. 1:7).

Таким образом, становится несомненным, что в Вознесении Своём Сын Божий прославляется наиболее полно и величественно, ведь до этого Его слава была скрыта, и лишь во время Преображения Он приоткрыл её троим избранным ученикам (см. Мф. 17:1-9).

После Своего Вознесения Христос не оставил мира, но пребывает в нём в Святом Духе, Которого послал Отец. Через действие Святого Духа Его невидимое присутствие сохраняется в таинствах Церкви. Неслучайно евхаристический аспект Вознесения Господня присутствует уже в беседе о «хлебе небесном» (см. Ин. 6: 22–71).

Об искупительном значении Вознесения говорится в Послании к евреям (1:3; 9:12). Искупление завершилось после того, как распятый и воскресший Христос, вознесшись, вошёл со Своей кровью в небесное святилище (см. Евр. 9: 12, 24–26).

Главным следствием Вознесения Господня стало то, что с отмеченного момента человеческая природа получила полное участие в Божественной жизни и вечном нетлении и блаженстве. С другой стороны, теперь и человечество уже не одиноко перед лицом лукавого, но Дух Святой пребывает с Церковью с момента Его сопствия на Апостолов в день Пятидесятницы, что было бы невозможно, если бы Христос перед этим не вознёсся к Отцу (см. Ин. 16:7). Т.е. вся та ложь, которую посеял в человеческой природе дьявол, оказалась не только «теоретически» разоблачена Святым Духом при воплощении Сына, но воплотившаяся Истина в земной жизни Сына прошла

проверку практикой, и воплощённое Слово Божие вышло победителем из схватки с самой смертью, явив всему миру Свою непрекаемую истинность. И вот теперь, Сын Человеческий, победивший ложь во всей её полноте, возносится к Отцу и оказывается вечным и непреходящим Эталоном истины перед Отцом. Теперь любая земная ложь может быть разоблачена с помощью той Истины, которую во всей полноте несёт в Себе вознесшийся Сын Человеческий. Т.е. Дух Истины, Исходящий от Отца, через посредничество Сына, Который (Сын) становится как-бы «переводчиком» Божественной Истины на человеческий язык, помогает земной Церкви преодолеть любые козни дьявола. И этот Дух Истины, направляя Церковь, не даст человечеству погибнуть. Сын же Божий, по Его собственным словам, восшёл к Отцу, чтобы приготовить место для нас (см. Ин. 14:2). Теперь Он выступает также в новом качестве Первосвященника (см. Евр. 4:14-16) и ходатая Нового Завета (см. Евр. 9:15).

Вознесение Господне имеет непреходящее значение и как образ обожения каждого верующего во Христа. Как отмечал святитель Григорий Палама, все воскреснут в день второго пришествия Господа, однако вознесены будут только те, кто «распяли грех через покаяние и жительство по Евангелию»¹.

По свидетельству церковных историков, до конца IV века празднование Вознесения Господня и Пятидесятницы не разделялось. При этом Пятидесятница понималась как особый период церковного года, наступающий после Пасхи, а не как отдельный праздничный день. Большинство исследователей согласны в том, что размежевание Вознесения и Троицы произошло после осуждения ереси Македония² на II Вселенском Соборе, который состоялся в 381 году.

Упоминания об отдельном праздновании

сорокового дня после Пасхи встречаются у святителя Григория Нисского и в антиохийских проповедях святителя Иоанна Златоуста и у других святых. Прямо говорят об этом и апостольские постановления.

В последний раз перед Вознесением православные христиане приветствуют друг друга словами: «Христос Воскресе!» И отвечают: «Воистину Воскресе!» Праздник Вознесения завершает цикл пасхальной радости и призывает задуматься над теми событиями, которые происходили позже. Празднование продолжается десять дней: один день предпразднства, совпадающий с отданием Пасхи, и восемь дней попразднства. Отдание праздника бывает в следующую за праздником пятницу седьмой седмицы по Пасхе.

Примечания:

[1]Квливидзе Н.В., Лукашевич А.А., Ткаченко А.А. *Вознесение Господне // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2004. с. 199.*

[2] Македоний должно учили, что Святой Дух есть служебное творение.

Тропарь Вознесения Господня глас 4

Вознессяси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником, обетованием Святаго Духа, извещенным им бывшим благословением, яко Ты еси Сын Божий, Избавитель мира.

Кондак Вознесения Господня глас 6

Еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив Небесным, вознесся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вония любящим Тя: Аз есмь с вами, и никто же на вы.

Пусть он нас не поймает!

Когда-то много лет назад мне попалась на глаза картина одного немецкого художника – к сожалению, фамилии сейчас не вспомню. Картина была посвящена Рождеству Христову. Собственно, рождественские сюжеты европейские художники использовали часто, но эта картина была особой. Не просто художественный пересказ второй главы Евангелия от Луки, с Богородицей, Божественным Младенцем, старцем Иосифом, ликующими Ангелами и изумлёнными пастухами. У немецкого художника была картина-проповедь, картина-упрёк тому миру, который художник видел рядом с собой.

Представьте – большое полотно. На нём изображены современники художника – люди в немецких национальных костюмах. И они – в труде, в спешке, в суете. Кто-то куда-то бежит с тачкой, кто-то несёт какие-то яства, кто-то плетёт пряжу... Занятые люди, в общем, никогда им и в небо посмотреть! И вот на фоне всей этой многообразной суеты, внизу, даже в углу, изображено совершившееся Чудо. Бог явился во плоти, стал Человеком, Младенцем, а мир вокруг, охваченный суетой, этого не хочет замечать.

Эх, не умею я рисовать! А умел бы, так изобразил бы в той же манере Вознесение Господнее. Огромный мир, пёстрый мир, шумный мир. Мир моих современников, охваченный многообразной суетой. Один уткнулся в свой мобильник. Другой спешит в контору – его ждут часы скучного, кропотливого труда. У третьего покраснели глаза – он не спал, так как всю ночь провёл в ночном клубе. А вот группа людей несётся в супермаркет на распродажу – успеть бы, а то всё разберут! А вот ещё одна группа – эти люди спешат на пляж. И третья группа – эти бегут на футбол... Суета, суета, суета вокруг! И лишь в углу, незамеченные миром, стоят апостолы и смотрят в небо. Они восхищены и не могут отвести взгляд от этих сияющих далей. Они видят то, чего не хочет замечать охваченный суетой мир – только что на небо Вознёсся Господь!

О чём думали эти мужи Галилейские, глядываясь в небо? Вспоминали ли они дни,

месяцы, годы, проведённые вместе с Господом во время Его проповеди? Думали ли о том, как смалодушничали во время Его ареста, как плакали после Его смерти, как не могли поверить в то, что Он воскрес, и как обрадовались, когда, наконец, Он, Воскресший, явился им?

А может они вспоминали то, что Он им говорил? *Где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12:26). Они ходили за Ним, они слушали Его, они Его любили. Они, как могли, служили Ему, и на основании этого могли надеяться быть рядом с Ним в Царствии Божьем.

Быть там, где Христос – такое счастье! Чуть позже об этом скажет апостол Павел: *Мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный* (2 Кор. 5:1). А что будет в этом нерукотворном, вечном доме? А там Бог; Сам Бог будет обитать с ними, ...и ... будет Богом их. *И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло* (Откр. 21:3-4).

И вот Он, сошедший с Небес к людям, принёс им весть о Царстве Небесном, донёс до них Истину, нужную им для того, чтобы и они могли попасть в это Царство. А сейчас на глазах учеников Он вновь возносится к Отцу. Как жаль, что мир всего этого не замечает! Как грустно, когда человек всю свою жизнь растратит на пляжи, футбол, распродажи и прочее мелочи, а о Боге и не вспомнит...

Но и нам, христианам, не стоит расслабляться. Мир, как огромный магнит, пытается втянуть нас в сферу своего влияния, чтобы и мы забыли, кто мы на самом деле. Забыли о своём христианстве, и забыли Бога, сотворившего мир, сотворившего нас, людей, ставшего ради нас человеком, распявшегося за нас, воскресшего и вознесшегося.

Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу – говорит апостол Иаков (Иак. 4:4).

На это нужно обратить внимание, так как мы частенько и на самом деле этого не знаем, или читали, но не понимаем.

А между тем, апостол Иаков прав – в дружбе

с миром таится для нас огромная опасность.

А мы имеем ум Христов - говорил о христианах апостол Павел (1 Кор. 2:16). Но дело в том, что мир тоже имеет свой ум, свою «мудрость», и эта «мудрость» падшего мира противоположна тому, чему учил нас Господь.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное – говорит нам Христос (Мф. 5:3).

Да вовсе нет! – восклицает современный человек. Блаженство не в том, чтобы иметь жажду к стяжанию каких-то абстрактных духовных ценностей или ждать созествия Святого Духа. Я круче и выше всех потому, что стяжал больше ценностей материальных, ведь именно они позволяют мне уйти от нищеты в этом мире!

Блаженны плачущие, ибо они утешатся – продолжает Свою проповедь Господь (Мф. 5:4).

Блаженны плачущие? – не понимает современный мир. А о чём мы должны плакать? Ах, о своей оторванности от Бога и о своих грехах?! Вот ещё, придумали тоже! Смеяться лучше, чем плакать! Даёшь анекдоты и юмористические программы! Больше шуток, больше юмора, и громче, громче хохот! Если мы будем постоянно смеяться, то постепенно забудем, что когда-нибудь умрём.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю – говорится дальше в проповеди Господа (Мф. 5:5).

Опять глупости! – уверяет нас современная цивилизация. Посмотрите, как благоденствуют не кроткие, а наглые, которые отнимают у других деньги, заводы, газеты, пароходы! Нужно быть решительным, и зубами, локтями, пистолетами, пулемётами прокладывать себе дорогу к счастью. Человек человеку волк и тому подобное!

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся – говорит Господь (Мф. 5:6).

Блаженны алчущие и жаждущие правды? Что это значит? – не понимает мир. А это значит, что человек должен видеть главный смысл своей жизни в том, чтобы отобразить в себе Правду, Истину, то есть Христа (Ин. 14:6) и не представлять себе жизни вне этой Правды!

Да нет же! – уверяет мир. Отобразить в себе нужно лошёного шёголя или голливудской красивую девицу, чтобы наслаждаться пляжами,

коктейлями, сёрфингами и тому подобным! Читайте глянцевые журналы – там написано, что именно нужно в себе отображать!

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут – продолжает Господь (Мф. 5:7).

Да ладно вам! – восклицает мир. Те, кто выброшен на обочину жизни, это просто неудачники, которые «не вписались в рынок». Выживают сильные, а всех слабых не пригреешь! И потому не будем греть никого, и вперёд, вперёд к пляжам и сёрфингам! Нет, ну мелкую монетку в шляпу нищего бросим, конечно. Но чтобы пожалеть постаревшего отца, которого мы отдали в дом престарелых, или младенца во чреве, которого мы собирались убить абортом – это уж дудки! А уж если нас кто обидел, и у нас появилась возможность отомстить, то никак нельзя её упускать!

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят – утверждает Господь (Мф. 5:8).

Блаженны чистые сердцем?! – изумляется мир. Да мы вообще не понимаем, о чём здесь говорится! Главная радость сердцу – это солидный счёт в банке, хорошая машина и ушлый адвокат, который защитит, если что не так!

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими – продолжает Свою проповедь Господь (Мф. 5:9).

А как это – быть миротворцем? Оружием, что ли, не торговать? – не понимает мир.

Не враждуй с ближним, люби врага, и будешь миротворцем – уточняет Евангелие. Хотите быть Божьими сынами и дочерьми по усыновлению? Тогда *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, ...молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посыпает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5:44-45). Можешь на своём месте избежать ссоры или конфликта с ближним – пусть даже ценой подавления собственной гордости? – Сделай это и получишь право называться миротворцем!

Нет, это нам не подходит, – усмехается мир. Ещё чего – благословлять проклинающих и молиться за обижающих! Да только коснитесь меня, я вам такое «благословение» устрою, вовек не забудете!

Блаженны изгнанные за правду, ибо их

есть Царство Небесное, - говорит Господь. – Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас (Мф. 5:10-11).

Нет, ну вы вообще, – кривится мир! Быть гонимым и оплётанным? Да никогда! Даёшь процветание! Процветать куда приятнее, чем быть гонимым! А что такое процветать? Да ну мы ведь уже говорили – банки, «тачки», глянец и прочее! Ешь, пей, веселись, ибо завтра умрешь! (см. 1 Кор. 15:32).

Такие дела, друзья! Только что мы убедились, что мудрость евангельская и «мудрость» мирская совершенно противоположны и несовместимы. Всё, что любит мир, чего алчет мир, есть вещи временные, проходящие. Христианин должен отвергнуть всё это, потому, что невозможно идти в две стороны одновременно, особенно если эти стороны противоположные. А дороги к миру и к Богу именно противоположны!

А отвергать-то так не хочется! Вся современная жизнь построена на потреблении, и человеку с детства внушают, что счастье – это впихнуть в себя как можно больше вкусностей хороших и разных! Современному человеку очень трудно выбрать одно и отказаться от второго, ведь если от чего-то откажешься, значит – всё на свете не съешь!

Но в том-то и суть проблемы – нужно, нужно выбирать. Нужно постараться отвергнуть всю суетность, всё пустое, ради того единственного, что не проходит – ради Царства Божьего. И ради Того Единственного, Кто есть Истина, Кто вчера и сегодня и вовеки тот же – ради Бога.

Конечно, Богу всё возможно, и тому человеку, кто живёт во Христе, Господь может дать многие блага мира сего. И христианин может наслаждаться ими, даже осознавая их мимолётность. Но настоящий христианин учится не нуждаться в них, относится к ним так, будто они для него ничего не значат. И многие православные святые, кстати, это умели – презирать блага мира и оставлять ради Христа богатства, земную славу, дом, к которому привыкли... Они понимали – Христос больше всего, и если вместо всего, что они оставили, у них будет Господь, то они будут настоящими богачами, несмотря на то, что утратили.

Примеры? Пожалуйста. Арсений Великий был учителем принцев, Аркадия и Гонория, сыновей императора Феодосия. Деньги, почёт, власть – всё могло быть у этого человека. Но он ощущал – суета и ложные ценности падшего мира захватывают его и удаляют от Христа. И тогда он оставил дворец и свои роскошные одеяния, и поспешил в скитскую пустыню. И там провел долгие годы. Годы в трудах, в молитвах, в посте – и это вместо роскоши и блеска дворца?! Глупость, скажет современный мир. И будет не прав – там, в пустыне, с Арсением был Христос, а это дороже и дворцов, и роскошных одежд, и яхт, и космических кораблей. Дороже всего.

С другой стороны, тот, кто не живёт во Христе, уже нищ, уже живёт в бездне, и все сокровища мира (даже если они есть) не могут заполнить пустоту его души. Доказательства? Да их полно! Посмотрите, какие коленца иной раз выкидывают люди сверхзнатные и сверхбогатые, на какие безумства они идут. Это они от большого счастья так делают? Нет, нет! От пустоты, когда богатства и мирская слава есть, а счастья – нет.

Будем подводить итог, чтобы за множеством слов не утратить смысла. А смысл таков – помня о Вознесении Господнем, давайте не забудем о Небе! О том, что мы здесь, в падшем мире, не навсегда. О том, что здесь мы – только странники. Что настоящий наш дом – на небесах.

Мы сейчас в мире, да. Но здесь, в падшем мире мы должны стараться жить по законам нашего настоящего дома, того самого, который на небесах, который есть дом нерукотворный, вечный. Давайте стараться жить по заповедям Божиим, ведь эти самые законы – заповеди Господние и есть!

Падший, извалявшийся в грехах мир будет звать нас к себе. Он будет ловить нас, принуждать к тому, чтобы мы забыли Небо и жили по его, падшего мира, законам. Ради Господа, Распятого, Воскресшего и Вознесшегося, давайте постараемся сделать так, чтобы этот падший, грешный, временный мир нас не поймал!

Эдуард Качан,
специально для
«Православного Вестника»

Генеральная уборка перед Пасхой

Каждый год перед Пасхой мы проводим в нашем храме генеральную уборку. В этом году такая уборка проводилась за 2 недели до Пасхи, 25 марта в воскресенье, сразу после литургии – в этот день мы сделали основную работу в храме, а также 26 марта в понедельник – надо было закончить чистку лампад и вывезти мусор. Хочется сразу поблагодарить всех кто пришёл, при этом надо отметить, что многие из тех, кто по разным причинам не могли остаться в воскресенье, пришли в понедельник.

Сразу после службы старшая сестра накормила всех вкусным борщом, после чего мы распределились по разным участкам.

У каждого был свой фронт работ и все трудились в меру сил – даже самые маленькие, тем кому 4-5 лет, помогали старшим убирать спиленные ветки! Спасибо, ребята! Верим, что Господь обязательно наградит тех родителей, которые и сами пришли помочь Церкви, и привели своих детей, показывая им тем самым достойный пример! Отрадно отметить, что была молодёжь (к сожалению, только молодые девушки, причём из числа скаутов). А молодым ребятам хочу напомнить: смотрите, ребята, именно здесь вы лучше всего рассмотрите

своих будущих потенциальных невест, и поймёте, из кого выйдет хорошая хозяйка, так что на следующий год приходите!

Мы убирали храм внутри и, где необходимо, снаружи. Почистили лампады и подсвечники. Вставили разбитые стёкла в скаутской штаб-квартире, спилили мешающие ветки между залом и забором. Насколько было возможно, привели в порядок розы во дворе и очистили грядки от сорняков. Разобрали сарай и собрали мусор в кучи (мусор был вывезен на следующий день). Кстати, в этом году нам пришлось брать прицеп напрокат, и сама жизнь заставила нас проявить смекалку – чтобы окупить прокат прицепа, мы отдельно сдали весь металлом за деньги, и удивительным образом этого хватило на прицеп, даже с небольшим перехлестом!

Но нам немного не хватало руководства. Если бы с нами мог быть кто-то, кто координировал бы весь процесс, наше время было бы использовано более эффективно.

Большое спасибо всем, кто пришёл и не пожалел своего времени на благоустройство Божьего Храма! И да воздаст вам Господь по вашим трудам!

Венчание

В воскресенье 29 мая у нас в приходе состоялось венчание.

Каждое венчание – это неповторимый праздник в жизни молодых. Праздник, который случается только один раз в жизни!

Но это венчание было особенным и уникальным не только для молодожёнов, но и для всех нас! И дело не только в том, что женился сын нашей старшей сестры, Дионисии Ужигаевой, которая много десятков лет трудится на благо нашего храма, но в том, что Евангелие на венчании читалось не только на церковнославянском, но и на китайском языке, поскольку невеста была из Китая. Читал его священник из Данденонга, о. Алексей, который приехал к нам в Аделаиду специально на эту свадьбу и который был знаком с семьёй невесты.

Хочется от всей души пожелать молодожёnam Алексею и Александре счастья и взаимопонимания! Пусть главным языком их общения будет следование евангельским заповедям и любовь друг к другу!

Назовут тебя Ангелиной

Престольный праздник удался. За Литургией благочинный отец Никифор вручил отцу-настоятелю орден преподобного Сергия Радонежского и патриаршую грамоту. Прихожане один за другим выходили на солею с букетами и признаниями в любви к батюшке Алексию и рассказами о том, как его стараниями был возрожден старинный храм, пребывавший в мерзости запустения почти целый век. После трапезы спонсоры вручали ему пухлые конверты, а сама трапеза прошла, как никогда, весело. Радостно было всем. Вспоминали истории борьбы с уполномоченным. Особенно развеселила всех пересказанная старостой, ставшая церковным фольклором история о том, как отец Алексий спас уполномоченного от неминуемой смерти. В 1989 году этот обличенный большими антихристианскими полномочиями муж пришёл в храм и стал кричать на батюшку и членов двадцатки: «Какой вам храм?! Его сносить надо, а не восстанавливать. А вам перестать приставать к властям с дурацкими инициативами. Все ведь знают, что Бога нет!» На что отец Алексий со словами «Не позволю в храме богохульствовать!» схватил уполномоченного под руку и потащил к выходу. В ту же секунду в то место, где неистовствовал кощунник, упал кирпич.

— Не кирпич, а плинфа, — поправил старосту хозяин известной строительной фирмы.

— Да хоть и плинфа. А ведь прибила бы насмерть. Это уполномоченный понял. И хотя возмущенно визжал, когда батюшка тащил его, но когда увидел, что свалилось бы ему на голову, присмирел и вообще больше в храме не показывался. Говорят, что он вразумился и что его даже отпели... — завершила рассказ староста.

Вспомнили о том, сколько грузовиков мусора вывезли из храма. Помянули труды первых прихожан и предложили тост за их здравие. Ушедших в мир иной помянули, а присутствовавшим на трапезе старейшим прихожанкам Нине Ивановне и Софье Петровне пропели «Многая лета!» Ветеранки поблагодарили за память, но позже, глядя

вслед дорогим автомашинам, уезжавшим по окончании трапезы, Нина Ивановна скорбно произнесла:

— Никому-то мы не нужны. Хоть бы из вежливости предложили подвезти до метро.

Софья Петровна вздохнула, но жаловаться не стала:

— Да у них же у всех дела. Сегодня будний день. Рабочее время...

— Рабочее, — проворчала Нина Ивановна. — Работнички... Нахватали миллионов. На какой такой работе можно такие деньги зарабатывать?! Мы вот одного стажу пятьдесят лет. И до сих пор без дела не сидим. Без нас ведь ни одно дело не обходилось. И готовить, и мусор выносить, и раствор на леса поднимать, и по всяким поручениям по всей Москве раскатывать. Всё ведь делали. Обидно, что сейчас забыли.

— Да кто же тебя забыл?! Тебе и многолетие спели. Батюшка даже в проповедях наши труды вспоминает. Нам и медали вручили. Чем же ты недовольна?

— А тем, что не при деле мы. Без нас решают, без нас делают.

— Да что нам решать-то? Когда на простых работах наши руки были нужны, мы и решали, как что полнее сделать. А сейчас проблемы нам неведомые. Надо их с властями решать. Надо храм расписывать. С нами, что ли, советоваться, как храм расписывать?! Там специалисты да таланты нужны.

— Да вот только теперь и делов, что большую Шурку навестить да передать кому чёго.

— Ты радуйся, что теперь тебе дают лёгкие поручения. Силы-то уже не те. Теперь у нас другое служение.

— Да какое служение?! Пустяки одни. За весь месяц батюшка только и поручил письмо передать Светлане Степановне для внука. Он в тюрьме сидит.

— Радуйся. Может, это письмо его к покаянию приведёт. Может, он в Бога уверует.

— Что ты все заладила: «радуйся»... Скорбно мне, а ты — радуйся.

— Ну, тогда слушай про моё поручение. На прошлой неделе вижу я сон. Будто сижу я в дивном саду за столом с красивыми счастливыми

людьми. На столе цветы и фрукты невиданные. Аромат – не передать. До сих пор его чувствую. Все такие радостные. А неподалеку за грязным столом, на котором ни цветов, ни фруктов, сидит грустная женщина. Я ей говорю: «Что вы там одна сидите? Идите к нам». А она: «Не могу. Я при жизни в церковь не ходила. И хоть против церкви ничего плохого не делала, но не признавала её. И все таинства не признавала. И священников не уважала. Думала, что они народ дурачат. А теперь мне очень плохо. Я не могу быть с теми, кто Бога любил». Я говорю: «Могу ли я вам чем-нибудь помочь?» – «Можете. Скажите моей дочери, что я очень страдаю. Только её молитвы и помогут мне. И чтобы она меня заочно отпела и заказывала панихиды. По воскресеньям ходила бы в храм и подавала записки о моём упокоении. Пусть поспешит с отпеванием. Скоро сорок дней, как я преставилась...» Говорит: «Зовут меня Лидией, а дочь – Ириной». И называет адрес. Я просыпаюсь, а в голове этот адрес: и улица, и дом, и квартира. А это Зеленоград. Думаю: «Приснится же такое».

Целый день, что бы ни делала, у меня в голове этот адрес. Память у меня слабая – не помню, что мне пять минут назад сказали, а тут вертится этот адрес, и не забываю. Пошла я на следующее утро к батюшке. Рассказала ему сон, а он говорит: «Поезжай». Шутка ли: надо до Москвы доехать, потом через всю Москву да ещё и до Зеленограда. Это на целый день путешествие. Делать нечего – благословение получила. Поехала. Добралась с приключениями: то сердце заболит, то электричку на полчаса на запасной путь отправили, то ноги затекли. Думаю, хоть бы внука попросила посмотреть в интернете, есть ли вообще такой адрес. Да и как объяснить, зачем приехала? Скажут: «Бабка умом тронулась – на том свете побывала». В общем, добралась. И улица на месте, и дом стоит, и квартира на последнем этаже.

Звоню в дверь. Выходит огромный мужик в трусах и с сигаретой: «Вам кого, мамаша?» Я думаю: что ему сказать? Боюсь, пошлёт он меня подальше. Извинилась, спрашиваю: «Не живёт ли здесь Ирина?» «Живёт», – говорит. Ничего не спрашивает, пинает дверь ногой. Я захожу. В кухне сидит женщина. Лет пятьдесят.

Лицо строгое. Глаза холодные. У меня даже сердце зашлось. Как ей сказать? Может, имя совпало. Спрашиваю: «Вашу маму Лидией звали?» Кивает головой. Я снова спрашиваю: «Лидией?» – «Ну Лидией. Я же ответила». Хотя не ответила, а только кивнула.

Она смотрит на меня подозрительно. Ну, я внутренне помолилась: «Господи, помоги!» Говорю: «Вашей маме очень плохо». Она смотрит на меня как на дурочку. «Да мы её месяц, как закопали». – «Я знаю, что она умерла. Так ей там, куда её душа попала, плохо». – «Какая душа? Я ни в какую душу не верю. И в Бога я не верю». Тут она совсем разошлась. Кричать стала: «Ходят тут всякие! Выпишут имена в домовой книге и начинают народ разводить на деньги. Щас скажете, что она у вас миллион одолжила». – «Ничего она у меня не одолживала. И никаких денег мне не нужно. Я увидела её во сне, и она назвала мне ваше имя и адрес, по которому вы живёте». – «Вы что, работали с ней?» – «Нет. Я вообще её никогда не видела. Я же вам говорю, что увидела её во сне и пришла к вам рассказать, о чём она меня попросила». – «Да как вы могли её во сне увидеть, если вы её в жизни не видели?» – «Не знаю. Видно, так Господу было угодно, чтобы я нашла вас и передала просьбу вашей матери». – «Да как это возможно? Какой Господь?»

Разволновалась она страшно. Я прошу её успокоиться. Говорю, что Господь необъяснимым образом может любого человека послать другому на помощь. Объясняю, что покойникам можно помочь только молитвой. И слово в слово передаю то, что её мать просила и чтобы она поспешила с отпеванием. А от себя добавила: если она чем-то сильно её обидела (может, в сердцах, при ссоре, смерти ей пожелала или прокляла её), то нужно сугубо молиться. Хорошо бы какие-то жертвы принести: сироткам помочь или за старыми и немощными поухаживать, как за матерью...

А она вдруг как зарыдает. И куда её строгость девалась! Лицо сморщилось, как у девчонки. Слёзы текут, и она сквозь слёзы: «Я мужа своего, Коленъку, бросила, чтобы вон с этим, кто вам открыл, жить. А она умоляла Коля не оставлять. А я ей тогда и не помню, что наговорила. Да... И “будь ты проклята” сказала. Коля с горя спился. Мама умерла. А я теперь

своё семейное счастье хлебаю. Вы видели моё сокровище. Чистый кабан. Ест вёдрами, а по ночам...» Она махнула рукой и вздохнула. «Я ведь из-за этой его страсти Коленьку бросила».

Тут вернулся её избранник. Она вытерла слёзы, и мы вышли с ней из квартиры. Она попросила меня повторить, что надо в церкви делать. Что и как заказать, как молиться. А я, слава Богу, взяла с собой молитвослов. А там и молитвы за умерших, и всё, что надо новоначальным. Подарила ей молитвослов, объяснила, что у любого батюшки можно спросить, как ей матушку её отмаливать. Так она, эта строгая женщина, руки мне целовала. Спустилась со мной с пятого этажа и в комнатных тапочках шла со мной до остановки. Благодарила и обещала завтра же заказать отпевание и впредь молиться о матери. Вот такая история.

— И к чему ты клонишь? Я же грущу, что мы на приходе не нужны.

— Ещё как нужны! Я обо всём рассказала батюшке. Меня ведь тоже мысли о том, что мы ему теперь не нужны, мучили. А он и говорит: «Радуйтесь. У меня молодые помощники появились. А если у меня к вам нет никаких поручений, так теперь Сам Господь даёт вам поручения и посыпает вас с вестями. Ангел — это же посланник. Вот теперь и вы посланница. Так что постригайтесь в монахини с именем Ангелина. А в схиме будете Гавриилой».

Софья Петровна засмеялась. Нина Ивановна покачала головой, немного постояла, глядя вверх, и тоже засмеялась.

— Ну, теперь и я буду ждать особого поручения. Только сподоблюсь ли...

Подруги обнялись, расцеловались и тихо побрали в сторону метро.

Александр Богатырев

www.pravoslavie.ru

«За Сашу...»

События, о которых пойдёт речь, произошли зимой 1943-44 года, когда фашисты приняли зверское решение: использовать воспитанников Полоцкого детского дома № 1 как доноров. Немецким раненым солдатам нужна была кровь. Где её взять? У детей.

Первым встал на защиту мальчишек и девчонок директор детского дома Михаил Степанович Форинко. Конечно, для оккупантов никакого значения не имели жалость, сострадание и вообще сам факт такого зверства, поэтому сразу было ясно: это не аргументы. Зато весомым стало рассуждение: как могут больные и голодные дети дать хорошую кровь? Никак. У них в крови недостаточно витаминов или хотя бы того же железа. К тому же в детском доме нет дров, выбиты окна, очень холодно. Дети всё время простужаются, а больные — какие же это доноры? Сначала детей следует вылечить и подкормить, а уже затем использовать.

Немецкое командование согласилось с таким «логическим» решением. Михаил Степанович предложил перевести детей и сотрудников детского дома в деревню Бельчицы, где находился сильный немецкий

гарнизон. И опять-таки железная бессердечная логика сработала. Первый, замаскированный шаг к спасению детей был сделан... А дальше началась большая, тщательная подготовка. Детей предстояло перевести в партизанскую зону, а затем переправлять на самолёте.

И вот в ночь с 18 на 19 февраля 1944 года из села вышли 154 воспитанника детского дома, 38 их воспитателей, а также члены подпольной группы «Бесстрашные» со своими семьями и партизаны отряда имени Щорса бригады имени Чапаева. Ребятишкам было от трёх до четырнадцати лет. И все — все! — молчали, боялись даже дышать. Старшие несли младших. У кого не было тёплой одежды — завернули в платки и одеяла. Даже трёхлетние мальчики понимали смертельную опасность — и молчали...

На случай, если фашисты всё поймут и отправятся в погоню, около деревни дежурили партизаны, готовые вступить в бой. А в лесу ребятишек ожидал санный поезд — тридцать подвод. Очень помогли лётчики. В роковую ночь они, зная об операции, закружили над Бельчицами, отвлекая внимание врагов.

Детишки же были предупреждены: если вдруг в небе появятся осветительные ракеты, надо немедленно садиться и не шевелиться.

За время пути колонна садилась несколько раз. До глубокого партизанского тыла добрались все. Теперь предстояло эвакуировать детей за линию фронта. Сделать это требовалось как можно быстрее, ведь немцы сразу обнаружили «пропажу». Находиться у партизан с каждым днём становилось всё опаснее. Но на помощь пришла 3-я воздушная армия, лётчики начали вывозить детей и раненых, одновременно доставляя партизанам боеприпасы. Было выделено два самолёта, под крыльями у них приделали специальные капсулы-люльки, куда могли поместиться дополнительно нескольких человек. Плюс лётчики вылетали без штурманов – это место тоже берегли для пассажиров. Вообще, в ходе операции вывезли более пятисот человек. Но сейчас речь пойдёт только об одном полёте, самом последнем.

Он состоялся в ночь с 10 на 11 апреля 1944 года. Вёз детей гвардии лейтенант Александр Мамкин. Ему было 28 лет. Уроженец села Крестьянское Репьевского района Воронежской области, выпускник Орловского финансово-экономического техникума и Балашовской лётной школы. К моменту событий, о которых идёт речь, Мамкин был уже опытным лётчиком. За плечами – не менее семидесяти ночных вылетов в немецкий тыл. Тот рейс был для него в этой операции (она называлась «Звёздочка») не первым, а девятым.

В качестве аэродрома использовалось озеро Вечелье. Приходилось спешить ещё и потому, что лёд с каждым днём становился всё ненадёжнее. В самолёт Р-5 поместились десять ребятишек, их воспитательница Валентина Латко и двое раненых партизан. Сначала всё шло хорошо, но при подлёте к линии фронта самолёт Мамкина подбили. Линия фронта осталась позади, а Р-5 горел... Будь Мамкин на борту один, он набрал бы высоту и выпрыгнул с парашютом. Но он летел не один. И не собирался отдавать смерти мальчишкам и девчонок. Не для того они, только начавшие жить, пешком ночью спасались от фашистов, чтобы разбиться.

И Мамкин вёл самолёт... Пламя добралось до кабины пилота. От температуры плавились лётные очки, прикипая к коже. Горела одежда,

шлемофон, в дыму и огне было плохо видно. От ног потихоньку оставались только кости. А там, за спиной лётчика, раздавался плач. Дети боялись огня, им не хотелось погибать. И Александр Петрович вёл самолёт практически вслепую. Превозмогая адскую боль, уже, можно сказать, безногий, он по-прежнему крепко стоял между ребятишками и смертью.

Мамкин нашёл площадку на берегу озера, неподалёку от советских частей. Уже прогорела перегородка, которая отделяла его от пассажиров, на некоторых начала тлеть одежда. Но смерть, взмахнув над детьми косой, так и не смогла опустить её. Мамкин не дал. Все пассажиры остались живы. Александр Петрович совершил непостижимым образом сам смог выбраться из кабины. Он успел спросить: «Дети живы?» И услышал голос мальчика Володи Шишкова: «Товарищ лётчик, не беспокойтесь! Я открыл дверцу, все живы, выходим...» И Мамкин потерял сознание.

Врачи так и не смогли объяснить, как мог управлять машиной да ещё и благополучно посадить её человек, в лицо которого вплывли очки, а от ног остались одни кости? Как смог он преодолеть боль, шок, какими усилиями удержал сознание?

Похоронили героя в деревне Маклок в Смоленской области. С того дня все боевые друзья Александра Петровича, встречаясь уже под мирным небом, первый тост выпивали «За Сашу!... За Сашу, который с двух лет рос без отца и очень хорошо помнил детское горе. За Сашу, который всем сердцем любил мальчишку и девчонку. За Сашу, который носил фамилию Мамкин и сам, словно мать, подарил детям жизнь.

Людмила Жукова
«Подвиг Александра Мамкина»

Контуженые

«Дорогая Любовь Фёдоровна!

Пишу в надежде, что Вы живы и здоровы и что получите моё письмо. Так сложилось, что Вы единственная на всём белом свете, кому я могу довериться как близкому человеку. Я благодарна Вам за все годы нашего общения, принёсшего мне много душевного тепла и поддержки, и я могу с уверенностью сказать, что ближе Вас у меня никого нет!

Несмотря на то, что мне ещё не так много лет, жизнь моя подходит к концу, так как меня уже окутывает своей болью тяжёлая и утомительная болезнь. Последняя болезнь... Хотя, что я говорю! Нам неведомо, какая болезнь и какие испытания будут для нас последними. Один Господь ведает. Спасибо, Господи, за всё! И за эту болезнь, как возможность обдуманно подготовиться к смерти.

Милая моя, дорогая и любимая Любовь Фёдоровна! Само Ваше имя – Любовь – уже несёт нежность и ласку. Рано потеряв свою маму, я нашла настоящую мать в Вашем лице. Я благодарна судьбе, что она свела нас. Благодарна Вам за то, что всегда могла поделиться тем сокровенным, что даёт нам Господь. Благодарна за то, что в своё время получила от Вас поддержку и поощрение открыто посещать храм, исповедоваться и принимать Святое Причастие. Не знаю даже, как бы я без этого жила.

Болит душа за своих, к счастью, уже взрослых детей, которых оставляю. Уповаю на помошь Пресвятой нашей Богородицы и всех святых. Только с этим упованием сердце и успокаивается. Молюсь за страну нашу российскую, хоть она и называется пока советской, но всё же это наша Святая Киевская Русь! Жалко, не увижу падения коммунистических оков, а ведь это произойдёт совсем скоро. Чувствую это.

Силы мои убывают, но я должна, обязательно должна рассказать хоть кому-то на этом свете о моей дорогой мамочке и о сменившем её приёмном отце. За всю свою жизнь я не встречала больше таких людей как они.

Я часто задумываюсь, что такое христианство? Как мы, простые грешные люди соблюдаем основные заповеди? Как мы сострадаем ближнему, как его любим, как отдаём последнее? И отдаём ли? Идём ли мы за Христом или только пытаемся? А может, только думаем, что пытаемся?

Меня Господь сподобил увидеть в своей маленькой жизни великие чувства: всёпрощающее сострадание и любовь. Показали мне их моя мама и человек, которого я считаю своим приёмным отцом. Два настоящих христианина.

Когда в тридцать девятом году папу призвали на срочную службу в армию, мне было всего два года. Потом началась Великая Отечественная война, и папа уже не вернулся. Пропал без вести. Мы с мамой ждали его ещё долго, вернее, продолжали ждать всегда. Пенсии по потере кормильца не было: он же пропал, а не погиб. Как маме тяжело, я поняла достаточно рано. Но каково ей вообще было от всего пережитого, наверное, никогда до конца не пойму. Воспоминания о маме приносят мне щемящее чувство жалости к маленькой, хрупкой женщине. И слёзы жгут меня изнутри с душевным стоном: «Мамочка, мамочка...»

В одну из жарких ночей что-то загрохотало и затряслось. Наш двухэтажный деревянный дом покачнулся. Слышался звон стекла поблизости и страшный грохот вдали. Наутро

мы с подружками обсуждали случившееся. Зина из соседнего дома рассказала, что на её кровать ночью посыпалось стекло из сорванной с петель рамы, ей сильно порезало руку и щёку. Она стала нашей первой пострадавшей, и дети с нашего квартала целый день бегали на неё посмотреть. Но с новыми налётами Зинину бинты и раны перестали быть сенсационной новостью: к сожалению, таких новостей стало много. А тогда, в то первое утро Зина спросив родных, что случилось ночью, получила ответ, что была сильная гроза. Зина, округлив глаза, говорила: «Представляете, девочки, такая была гроза, что аж бомбы падали». Слушая разговоры взрослых, обсуждая всё в своём детском кругу, уже через несколько ночных налётов мы хорошо разбирались в том, что летит, как далеко летит, и на какую улицу долетело.

Так мы дожили до осени. А она пришла красивая, как у Пушкина: «В багрец и в золото одетые леса», и в это время в Киев вошли немцы. Я сидела на лавочке у дома и рассматривала разноцветную копну листьев клёна, через которую светили лучи закатного солнца, когда по улице Саксаганского, к которой примыкал наш переулок, проехала первая колонна мотоциклистов. Несмотря на свой совсем юный возраст, я как-то сразу увидела диссонанс между красотой золота осени и серой механической массой с чужими дядьками в касках. За мотоциклистами потянулись подводы. Каждая была запряжёна парой лошадей и имела полуокруглый навес, наподобие цыганской кибитки. Несколько часов слышался цокот копыт и стук колёс по булыжной мостовой. Казалось, нескончаемый караван вползает в город и заполоняет собой всё. Родной Киев стал чужим и страшным. Мама запретила мне выходить за границы нашего двора.

Наступили какие-то беспроблемные будни. Пришла осенняя дождливая погода, и в воздухе стало витать общее уныние. Конечно, за два года оккупации менялись времена года, но те первые недели горя и слякоти как туманом обволокли последующие. Всё военное время мне помнится каким-то хмурым, холодным, со скучным ужином под свет керосинки и постоянным ожиданием плохого неизвестного.

Уже в первые дни при немцах у нас стали

Немецкие обозы на улице Саксаганского

исчезать соседи. Целыми семьями. Пропала вместе со своими родителями и братьями соседская девочка Иля – Раиль. И соседка постарше – Белла. Больше в нашем дворе не осталось девочек, и мне не с кем было играть. На мои вопросы, куда подевались Эрдманы и Зубок, мама отвечала, что они уехали. При этом она сильно сжимала свои тонкие бледные губы, и я чувствовала какую-то другую правду, которую мама замалчивает. Вернее, я как любой маленький ребёнок чувствовала мамину нервозность и сама начинала паниковать. Тогда я не знала, что случилось, но всё равно было очень страшно! Только через несколько лет я поняла, что правда исчезновения соседей называлась – Бабий Яр.

В один из вечеров к нам пришла чужая толстая тётка, загромыхала тазами, поставила греть воду, а мама сначала ходила по комнате, держась за поясницу, а потом велела мне спать и сама легла, но изредка постанывала. Среди ночи я проснулась от младенческого крика – в ту ночь родилась моя сестра Вера.

Уже позже из услышанных соседских разговоров я узнала, что маму обидел какой-то немец, а Верочка – «немецкое отродье». Не понимая, что это, но, чувствуя что-то обидное, впервые услышав это отвратительное слово, я расплакалась. В дальнейшем от шепотков окружающих сжималась внутренне, стараясь скорее прошмыгнуть мимо, не «зацепившись» ни ухом, ни сердцем. Было обидно за младшую сестрёнку, которую я полюбила всей душой. У неё были маленькие прозрачные пальчики, розовые ноготки. А плакала она деликатно, как будто извинялась за предоставленные неудобства.

Мама долго относилась к Верочке

прохладно. У меня даже сложилось чувство, противоположное детской ревности – мне хотелось маминой ласки не только для меня, но и для сестры. Но если меня мама часто гладила по голове, обнимала, прямо смотрела мне в глаза, то с Верой она всегда всё делала автоматически и глаз на неё не поднимала. Как она с этим жила?!

Я не понимаю, как у мамы на всё хватало сил, она ведь всё время должна была работать. Мы с Верочкой целыми днями были одни, только соседка заходила пару раз в день, проверяла, что живы и уходила. Я весь день ждала маму у окна, а Вера, лёжа на кровати, всматривалась в моё лицо через три слоя марли, привязанной к спинкам железной кровати таким образом, чтобы ребёнок не упал на пол. На стене тикали часы, отсчитывая время, проведённое без мамы.

Почему-то я совсем не знаю, кем работала моя мама: её молчаливость лишних сведений не давала, а я не спрашивала. Зато я знала, что соседка Маруся водила трамвай. Почти каждый день она рассказывала нам все городские новости, возмущалась, что горожанам проезд на трамвае – платный, а немцам – бесплатный, замечала любые перемещения в городе. Как-то она рассказала, что из Успенского собора Киево-Печерской Лавры вынесли и погрузили на машины всё ценное, в том числе литой серебряный престол из алтаря и серебряные царские врата. В это же время выселили всех жителей из домов, находившихся в непосредственной близости к Лавре. А через несколько дней Маруся весь вечер проплакала у нас, рассказывая, как с утра немцы суетились, что-то готовили возле собора, а она на своём трамвае ездила туда и обратно и пыталась понять смысл их действий. Появился кинооператор

в военной форме с большой камерой, и долго приоравливался, видимо, выбирая ракурс. Маруся уж не знала, что и думать. Как потом оказалось, немец искал безопасную точку для эффектной съёмки.

К вечеру стали известны результаты немецкой суеты последних дней. Обложив древние стены взрывчаткой, фашисты взорвали собор. Пыль над местом взрыва клубилась очень долго. Когда она осела, все увидели лики двенадцати апостолов с золотыми нимбами над их головами и Христос среди них и над ними – они сияли выше окаменевшего от шока Киева.

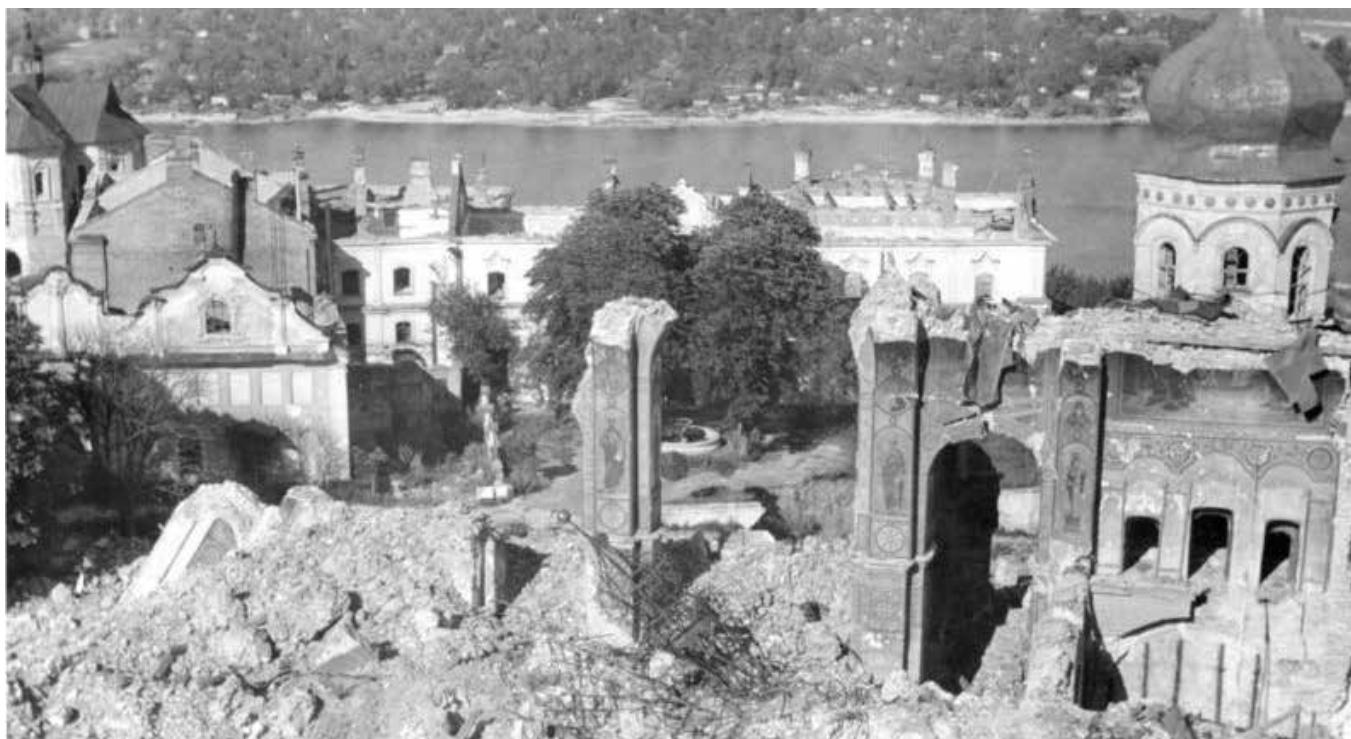
Маруся никак не могла успокоиться от потрясения, а моя мама подошла, прижала её голову к себе и гладила, пока всхлипывания девушки не затихли. Маруся спросила: «Юля, что же будет теперь?» И мама ей ответила, что теперь мы обязательно их победим, потому что нельзя надругаться над святыней и остаться безнаказанным.

Немцы были в нашем городе долго. Ими было окрашено всё моё раннее детство. Окрашено в серый цвет, с примесями чёрного и коричневого. Вроде бы всего два года, а детство успело уйти...

Осенью сорок третьего года стали слышны постоянные раскаты грома – это была канонада непрекращающихся ни днём, ни ночью боёв. Шум становился всё ближе и громче. Стало совсем страшно, хотя мама несколько дней была рядом и не уходила на работу. Она почти всё время стояла на коленях перед иконами. И её молитва окутывала нашу комнату, дом и, казалось, весь мир, а шум за окном приглушался. Зашедшая к нам тётя Валя из квартиры напротив на полуслове прервала своё приветствие и остановилась потрясённая на пороге. Осипшим от волнения голосом она спросила, почему у нас так тихо. Мама продолжала молиться, а я, видя ожидание ответа, сказала так, как чувствовала своим детским сердцем: «А нас Богородица укрыла, поэтому у нас тепло и тихо».

Почти сразу после этого к нам пришёл хромой сосед-сапожник из угловой квартиры, матершинник и алкоголик. Зашёл молча и сел в уголке. Сначала просто молчал, глядя на нашу маму, а потом заплакал беззвучно. Крупные слёзы катились из его блеклых глаз, плечи подрагивали, нижняя губа съехала куда-то

Взорванный Успенский собор Киево-Печерской Лавры

вниз и вбок. Он не вытирал свои слёзы, и они струились по небритым щекам, устремляясь прямо за шиворот. Его старая рубаха промокла на груди, а мои размышления о том, сколько у человека может выплыть слёз и где находятся мешочки со слезами, прервало неожиданное движение соседа: он бухнулся на колени и размашисто перекрестившись, стал молиться вместе с мамой. Он знал молитвы наизусть! Меня это поразило.

Позже пришла его жена, с порога онемевшая от увиденной совместной молитвы. Она тоже тихо заплакала и перекрестилась. Шум извне то нарастал, то убывал. Верочка спала, и я то засыпала, то просыпалась. Людей в комнате с каждым разом становилось всё больше, а мама с колен так и не вставала.

Проснулась я уже при свете дня. Грохот закончился, и соседи стали выходить от нас. По их возгласам я поняла, что на улице что-то произошло. Оказывается, за последние сутки наш переулок изменился до неузнаваемости. Только наш дом на восемь квартир остался целым, а вокруг были чёрные дымящиеся руины.

Киев был наполовину разрушен. Фашисты не ушли просто, они искорёжили всё, что смогли, подожгли самые большие и красивые дома в центре города. Главная улица – Крещатик

– стала большой грудой битого кирпича с торчащими кусками стен, которые ветер раскачивал из стороны в сторону. Обломки стен стонали и плакали от тоски по рассыпавшейся в прах крыше, плакали по потерянным этажам и перекрытиям. Эти архитектурные останки были живыми, и их боль перетекала в землю. Земля навсегда всё запомнила. И люди запомнили тоже.

Кажется, что сама природа не захотела долго смотреть на осколки домов как на осколки поломанных зубов земли. Обильные снегопады всё сгладили и приглушили лишние звуки, сменили чёрное на белое. И сразу стало легче жить и дышать.

В одно яркое снежное утро я проснулась от какого-то удивительно сладкого чувства спокойствия. Мама сидела у печки. Верочка тоже проснулась, слезла с кровати, секунду помедлив, отпустила край простыни, за который держалась, и пошла к маме – это были её первые самостоятельные шаги. Она дошла до мамы и с радостным возгласом годовалого ребёнка уткнулась ей в спину. Мама, не слышавшая шагов дочери, вздрогнула от неожиданности, развернулась, на секунду застыв в каком-то радостном удивлении, обняла малышку и стала её целовать в щечки, носик, глазки. Мама целовала её и плакала, плакала долго и

как-то уж очень горько, выплакивая своё горе, приговаривая: «Верочка, Верочка, Вера...»

Скорее всего, именно в те неожиданные для себя минуты мама оттаяла и всем сердцем простила своего обидчика. Любовь к дочери победила. Думаю, не каждый из нас в состоянии совершить такой духовный подвиг. Как мама справилась с этим, я не знаю. Но с того дня наш дом стал светлым и тёплым, и именно в тот день из моего детства ушла серая фашистская масса, которая давила и не давала жить. Прощение облегчило жизнь не только маме, но и нам, её дочерям. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

В какой-то день наш и до того скучный ужин, тяжким маминым трудом заработанный, стал делиться не на три части, а на четыре. И как бы не смотрели на этот четвёртый кусок наши детские глазки, мама заворачивала его и после ужина мы, одевшись, шли в ночную темень.

Где-то в получасе ходьбы от нашего дома была территория, огороженная колючей проволокой – это был лагерь для немецких военнопленных. Нашу ежедневную четвёртую картофелину и кусок хлеба мы несли туда. Я не помню подробностей первого дня или последнего в наших ежевечерних походах, но помню голодные глаза и протянутые руки десятков уставших людей. Как мама решала, кому протянуть ужин, я не знаю, но кажется, она выбирала самый потухший взгляд и протягивала отчаявшемуся человеку – веру в милосердие, надежду на выживание и любовь человеческого сердца.

Наши вечерние походы быстро стали известны соседям. Кто-то грустно смотрел на нашу маму, кто-то – с кровью жалостью, как на тяжело больную, кто-то – с раздражением и даже злобой. А вездесущая соседка тётя Валя однажды влетела к нам с криком:

– Юлька! Ты контуженая?! Ты зачем

подкармливаешь этих нелюдей?

Мама ничего не стала ей отвечать, а тётя Валя продолжала повторять снова и снова, что так в наше время поступают только сумасшедшие:

– Вот придут к тебе оттуда, – подняв многозначительно палец и указывая куда-то вверх, – и скажут: «А уж не пособник ли вы фашизму, Юлия Александровна? А не предатель ли или шпион?» – Что ты отвечать будешь?

– А я, Валюша, им отвечу: «Истерзаннаявойной баба всем сердцем простила обидчиков».

Тётя Валя, покрутив пальцем у виска, ушла, но ещё долгое время упрекала маму в неосмотрительности и откровенной глупости. Людские перешептывания и переглядывания на улице, в магазине или на рынке вились вокруг нас, каждый раз донося до нашего слуха слово «контуженая». Для меня это слово стало даже каким-то близким, оно ассоциировалось с мамой, а значит, было родным.

Сорок пятый год принёс тёплую весну и Победу. Война закончилась. Люди стали возвращаться с фронта. Конечно, мама продолжала ждать папу. Родственников у нас никого не осталось, вся надежда была на его возвращение. Как-то, заплетая мне косы, сказала: «Вот вернётся наш папка домой, мы так счастливо заживём!» А однажды тётя Валя в очередном своём неуместном наставлении спросила:

– Вот что ты, Юлька, своему, коль вернется, скажешь про приплод? А?

Мама от этого вопроса погрустнела и стала ещё меньше ростом, а потом, расправив плечи, ответила:

– В чём же меня можно упрекнуть? Особенно любящему сердцу...

И всё же, наверное, маме хотелось спрятаться от всех, уйти. Её тяготили люди вокруг, она от них постоянно отгораживалась: закрытой дверью, зашторенными окнами, в свой редкий выходной уходом с нами в лес или в каштановую рощу на берегу Днепра. Мама разговаривала только с нами, дочками, или с травинками и муравьями, птицами и цветами, но никогда на моей памяти первой не заговаривала с людьми, только отвечала по необходимости.

Удивительное, радостное лето сорок пятого года закончилось. Я пошла в школу, в первый класс, где мне всё понравилось: дети и учителя,

парти и чернильницы. Я почувствовала себя значимо выросшей девочкой, настоящей школьницей, членом большой школьной семьи.

Но вот наступил последний день сентября сорок пятого года, тёплый воскресный день. С утра мы были в храме Святого Макария на Татарке, куда мама всегда водила нас с Верой к причастию, за что получала отдельные нравоучения и упрёки от соседей. День был праздничный, Церковь отмечала день Святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, и мы все втроём приняли Святое Причастие.

В честь праздника и именин Верочки мама затеяла яблочный пирог. Он уже пёкся, когда мы стали убирать вымытую посуду. Стоя на табурете, мама ставила кастрюли на полку над кухонной плитой, а я подавала ей другую утварь и взахлеб рассказывала что-то из своей новой школьной жизни.

Вдруг мама ойкнула, покачнулась, как-то неловко сошла с табурета и неожиданно стала падать на меня. Я, не понимая ещё ничего, но, почувствовав, что с мамой происходит что-то не то, пыталась поддержать её, но сил восьмилетней девочки для этого не хватило. Хоть мама и была миниатюрной женщиной, истощённой войной, но всё-таки я не удержала её и мы обе завалились на пол. Из-под маминого тела я не могла выбраться, пришлось кричать, чтобы Верочка, играющая на крыльце, услышала меня и позвала соседку. Вера забежала в кухню, засмеялась, думая, что мы с мамой играем в новую игру, и побежала во двор, крича на ходу, что мама и Оля валяются на полу. Прибежала соседка тётя Валя, потом и другие люди, оповещённые звонким детским голосом. Подняли маму, освободив меня. А дальше я помню всё смутно.

Вся суть произошедшего стала проходить в моё сознание постепенно. Маму увезли на обшарпанном грузовике. Как потом, повзрослев, я узнала, её тело забрали на вскрытие, что в то тяжёлое время было редкостью. Всех удивила неожиданная смерть от инсульта молодой женщины, которой не было ещё и тридцати лет. В тот вечер все наши соседки стали вдруг мягкими и ласковыми: гладили нас по голове и вздыхали глубоко и печально, на выдохе произнося слово «сиротинушки». Так мы, две сестры трёх и восьми лет, остались одни на

всём белом свете.

Встал вопрос о дальнейшем существовании. Никто из соседей приютить сирот не захотел: самим бы выжить. Нас забрал к себе директор моей школы, бывший фронтовик Василий Дмитриевич. Он привёл нас к себе домой, в комнату при школе, и объяснил жене, что это – одна из его учениц и её маленькая сестра, и что девочки какое-то время поживут с ними, потому что их некуда девать. Я не помню все его слова, потому что находилась в те дни в каком-то ледяном вакууме. Помню только, что сначала жена Василия Дмитриевича увела его из прихожей в комнату и что-то стала ему объяснять злым шёпотом, а он ей тихо возражал. Потом она начала кричать, и из её уст несколько раз вырывалось слово «контуженый», с добавлением: «на всю голову».

Мы прожили все вместе несколько напряжённых недель. Верочка постоянно сидела в углу, скучившись и превратившись в невероятно маленький комочек с испуганными глазками. Мне всё время хотелось быть рядом с сестрой, но бездельничать у приютивших нас людей я не могла. Я, конечно, не всё тогда понимала, но чувствовала, что с нашим появлением семейная жизнь у директора накалилась.

Через несколько недель после смерти мамы однажды поздней осенью жена Василия Дмитриевича стала собирать чемодан. Сначала она складывала вещи аккуратно, потом начала запихивать всё подряд. Под конец чемодан уже не закрывался, из щели вываливался то подол цветастого платья, то чулок. Она нервничала, и от этого всё выскользывало из её рук. Когда ей удалось всё же защёлкнуть чемодан, оказалось, что голубой шарф предательски вылез снизу, а она не заметила этого. Так она и ушла, подметая шёлковым шарфом школьный коридор и улицу. Шарф, волочась по промокшей земле, впитал грязь и быстро превратился из небесно-голубого предмета одежды в бурую никому не нужную тряпку. И я подумала, что наши мысли и действия могут менять физическую сущность вещей.

В моих ушах ещё долго звучали слова этой женщины о том, что она не нанималась нам в няньки, и что он контуженый, контуженый, контуженый... С её уходом из дома ушло

напряжение и холод. И мы все втроём облегчённо вздохнули.

Василий Дмитриевич долго сопротивлялся навалившимся трудностям, из последних сил держал своё подорванное войной здоровье, но всё же малышку Верочку пришлось отдать в детский дом. И мы зажили с ним вдвоём. К первой весне без мамы я пришла в каком-то заторможенном состоянии. Выходила я из спячки только когда мы навещали Верочку. Она плакала и просилась с нами, звала маму, и это было трудно переносить. Но на нашем теперь уже семейном совете мы решили, что будем продолжать её навещать, несмотря на слёзы малышки. Василий Дмитриевич говорил мне, чтобы я никогда не забывала младшую сестру, что сёстры всегда должны держаться вместе.

Мы жили голодно, но Василий Дмитриевич всегда находил возможность в дни посещений принести Верочке яблоко, красный леденец-петушок на палочке или кусок белого хлеба с душистым мёдом – всё это было невиданной роскошью, которую он позволял только для меня и Веры.

Иногда мы с ним вдвоём мыли полы во всей школе вместо часто болеющей технички тёти Липы. Василий Дмитриевич сам таскал сотни вёдер воды из колонки на улице в трёхстах метрах от школы. После контузии его левая рука почти не слушалась, поэтому полное ведро он брал в правую руку, а для левой наливал половину, иначе было не унести. Принесённую воду заливали в большие бочки на нужды школы. Таскание вёдер с водой, конечно, не было обязанностью директора, но он этим помогал измотанным войной и голодом женщинам.

Самый родной мне после мамы человек в быту был немногословен, но в школе ученикам часто говорил о любви к людям, о сострадании. Объяснял нам, что сострадание – это страдание, сообразное страданию того, кого жалеешь, это принятие скорби его, как своей. Не жалея своих сил.

Василий Дмитриевич часто говорил нам о человеческих качествах: о совести, честности, трудолюбии, доброте и отзывчивости. На уроках истории, учителем которой он был, рассказывал о влиянии отдельных людей и их поступков на жизненный ход целых стран. Что, как я с годами

поняла, в корне противоречило марксистско-ленинской философии. Говорил нам о том, что любое наше действие или бездействие может повлиять на жизнь другого человека, и что критерием всех наших поступков должны быть умение прощать и наша искренняя любовь к ближнему, особенно слабому. Он просил нас всегда анализировать увиденное или услышанное, делать выводы в рамках далёкой перспективы, учиться на исторических примерах и не «наступать на грабли», на которые уже однажды кто-то наступил – учиться на ошибках предшественников.

Ему, моему дорогому учителю, директору и приёмному отцу, я обязана достаточно широким кругозором и любовью к чтению. За несколько лет, что я прожила у Василия Дмитриевича, я научилась читать, полюбила это самое интересное в мире занятие. Его мягкое руководство направило мой читательский интерес в нужное русло, я стала неплохо ориентироваться в разнообразии литературы, видеть и ценить её многогранность и многоцветность. Андерсен и Братья Гримм, Сетон-Томпсон и Михаил Пришвин, Аркадий Гайдар и Джек Лондон, Жюль Верн и Майн Рид, родной Пушкин и любимый Лермонтов – всех авторов и не перечесть, конечно.

Василий Дмитриевич научил меня всегда стараться узнать как можно больше об авторе произведения. Объяснял, что так можно шире увидеть и глубже почувствовать текст и подтекст. Наше читательское понимание эпохи и знание обстоятельств жизни писателя может показать полную картину его мыслей и чувств.

Как пример – писатель Евгений Шварц. Целым открытием для меня стало знакомство с творчеством этого автора довоенных и

Храм Св. Макария на Татарке в Киеве

послевоенных лет. Для себя я сразу назвала его драматургом сказочных времён. Василий Дмитриевич, лично зная Евгения Львовича с детских лет, которые они оба провели в городе Майкопе, объяснял мне, что Шварца надо читать и по строкам, и между строк. Вы же знаете, чтобы верующему человеку писать и печататься в нашей советской стране, надо научиться писать иносказательно. Вот Шварц и стал писать аллегорические сказочные драмы о вечной борьбе добра со злом, вкладывая евангельский смысл в речи персонажей.

Мы с Василием Дмитриевичем читали эти сказки вслух по вечерам, и я запоминала целые страницы с монологами героев. Совсем беспросветных финалов Евгений Шварц не любил, как и слишком оптимистичных – и именно это было жизненно и правдиво. У нас были четыре рукописные сказки Евгения Шварца: «Тень», «Сказка о потерянном времени», «Снежная королева» и «Дракон». Как бы я хотела узнать, откуда у Василия Дмитриевича были эти рукописи, и кто старательно переписал эти произведения от руки, но теперь уже не у кого спрашивать.

В трудные минуты жизни меня поддерживали фразы из шварцевских сказок: «Есть вещи более сильные, чем деньги», «Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте – и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле».

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, Василий Дмитриевич сказал, что теперь он спокоен за меня: даже если он умрёт сейчас, я уже не пропаду и не попаду в детский дом. На такой случай наказал мне идти в училище с проживанием, например при шёлковом комбинате, недалеко от детского дома Веры. Напомнил мне, чтобы не забывала молиться за родителей, поддерживала сестру и никогда не унывала. О возможной скорой смерти Василия Дмитриевича мне было даже страшно подумать: потеряв маму, ещё одну потерю, казалось, не перенесу. Но всё-таки однажды время перемен в моей жизни наступило.

В один из вечеров мы как-то особенно тепло посидели. Говорили о многом: о ежедневных мелочах и о большом и жизненно важном. Наверное, Василий Дмитриевич чувствовал

приближающуюся смерть, потому что именно в тот вечер рассказал мне, что во время войны он получил твёрдые доказательства того, что люди не умирают, а всегда живут, даже после смерти. И добавил, чтобы я ничего в жизни не боялась и помнила, что мои родители и он будут всегда меня поддерживать.

Умер он тихо во сне звёздной июльской ночью. А мне в ту ночь приснилось, что из нашей маленькой комнаты пролегла светящаяся дорожка прямо в небо, до самых звёзд.

Я отучилась в училище и всю жизнь проработала на киевском Дарницком шёлковом комбинате. Теперь сама уже вижу свет за своим порогом, который мне скоро надо будет переступить. Но, оглядываясь на пройденный путь, на людей, которые были рядом и чуть поодаль, задумываюсь, какими же мы, люди, иногда бываем. Почему двух наиболее самоотверженных людей в моей жизни называли контуженными? Их сострадание к ближнему считали ненормальным. Почему в минуту смертельной опасности наши соседи подтянулись в нашу крохотную убогую комнатёнку и все вместе горячо молились, призывая помочь Господа, Богородицы и всех святых, но как только опасность миновала, будто забыли о существовании Бога и зажили по-прежнему?

Моя сестра Вера выросла. Всю свою жизнь она холодная и отстранённая. Может быть, ранние детские потери сделали её такой? Думаю, в любых её поступках фоном стоят стены казенного детского учреждения, где прошло её детство, ранняя смерть мамы, а может, и тяжкий поступок её отца. И я ничего не могу с этим поделать.

Как жаль, что на её жизненном пути не встретился такой верный и понимающий друг как Вы, дорогая Любовь Фёдоровна. И жаль, что она была ещё слишком мала, чтобы умом и сердцем прикоснуться к нашим «контуженным» – маме и Василию Дмитриевичу.

Прощайте! И да благословит Вас Господь!
Ваша Ольга Клёпова.

20 ноября 1987 года, г. Киев»

Наталья Жуковская
Отрывок из романа «Сквозь зиму»

Старость

Всё может начаться очень просто. Просто до удивления. К примеру, случилось оказаться на пляже, но плавать особо не хочется, хочется лежать; и не на солнце, а в тени; и не в компании, а в одиночестве. Значит, здравствуй, старость. Или прежние любимые занятия вдруг становятся противными до тошноты. Это тоже может быть она. Тоже здравствуй.

Встречасней может случиться на лестничной клетке, если лифт почему-то не работает. И ты замечаешь, что устаешь раньше обычного, что нужно останавливаться для передышки. Или с газетой в руках, когда привычный шрифт вдруг предательски измельчился и глазу понадобилась стеклянная помощь. Так или иначе, но она приходит. Приходит как бедный родственник из провинции, чтобы улыбнуться в дверях, помяться с ноги на ногу, потом войти и уже не выйти. Превратиться в непрошенного члена семьи со своими глупыми разговорами и раздражающими привычками.

Старость приносит с собой какой-то хруст в костях и потерю навыка быстро вскакивать с постели утром. У неё вообще куча примет, по которым о её приближении узнают стоматологи и офтальмологи, диетологи и психологи, или просто знакомые, с которыми не виделся долго.

«Ты постарел», — говорят они. Или: «Ты располнел». Или: «Я тебя еле узнал». А ты улыбаешься в ответ на эти банальности так виновато, словно тебе лет трицатать от роду и от тебя пахнет выкуренной сигаретой.

Не надо этого. Ничего специального не надо: ни удивления, ни стыда, ни страха. Просто не надо делать вид, что этой гостьи в доме нет. Напротив, её визиты или постоянное присутствие следует признать и с ней нужно разговаривать.

Ты, например, ей говоришь:

— Здравствуй (не называя старость по имени).

Она говорит:

— Здравствуй (и смущенно улыбается).

Её смущение объяснимо — её не ждали.

— Ничего, что я на «ты»?

— Ничего.

Дальше спрашиваешь:

— Ты одна?

Она вопросительно смотрит в ответ. Молчит. Ты продолжаешь:

— Если ты старость, то где мудрость? Я слышал, вы бродите вместе.

Она говорит:

— Да мы едва знакомы. Нас молва связала ошибочно и формально. Я её, мудрость то есть, даже вижу редко. Иногда она первая приходит к тем, у кого мне ещё не положено бывать. Но это редко. Чаще я прихожу, а её всё нет и нет. Бывает, что и до самого конца нет её. Так что не удивляйся. У меня клиентов намного больше, чем у неё.

Ты ей говоришь:

— Надо же... (и думаешь, чего бы ещё спросить).

Потом спохватываешься:

— А опыт? Или душевный покой? Они где? Ну, должна же ты ходить с кем-то в паре.

Она говорит:

— Прости, но чаще всего в моей компании иные спутники: проблемы с памятью, геморрой, подагра, лишний вес. Есть ещё повышенное давление, зависимость от уборной, нервное истощение, ночные страхи...

Кажется, разговор завязался, и ты подхватываешь её интонацию:

— Желание рыться в воспоминаниях, брюзжать, критиковать времена и нравы.

Она кивает утвердительно:

— Да-да. Всё так. Всё именно так.

Опять наступает молчание. Она его нарушает:

— А где я буду жить? В смысле, где ты меня поселишь?

— А где ты обычно живешь?

— Я живу где придется, но предпочитаю фотоальбомы, старые вещи, коробочки с лекарствами, пустые флаконы от духов. Чепуху всякую. Впрочем, я не переборчива. Могу ночевать в костях, больных ревматизмом, или в глазной катарике. Ты меня где поселишь?

— Обожди, обожди. Это бред какой-то. А где твои вещи? У тебя же нет вещей. (У неё действительно нет в руках ни чемодана, ни сумки.)

– В них нет нужды. Я живу без вещей. Точнее... Мои вещи – это люди. Мне приходится изнашивать их самих, а не ботинки или перчатки.

– Люди... Изнашивать... И меня?

– Теперь да. Ты удивлён? Да неужели? По правде сказать, я даже сама удивлена, что ты удивлён.

– Ну, не то чтобы удивлён... Теоретически я давно был готов. Я думал об этом. О тебе то есть, ждал... Но чтоб вот так... Вдруг... Слушай! А ты не могла бы...

Чтобы понять меня ей не нужно было дослушивать.

– Я могла бы. В смысле, я могу подождать. Могу. Прямо за дверью или подальше. (Её голос неожиданно набирает металл и становится жёстче.) Ты можешь отогнать меня на времена диетами и спортзалом. Ты можешь удержать меня на расстоянии разными хитростями. Но ты должен понимать, что это будет временная победа. Окончательная победа будет за мной. (Она помолчала.) И за моей старшей подругой.

На этих словах ты инстинктивно крестишься. Надо креститься, когда речь заходит о старшей подруге старости. Та вслед за тобой крестится тоже.

Да-да, она крестится правильным крестом, ибо старость не безбожница. Она многое понимает и ещё больше помнит. Она зневала и другие времена, когда все, кто попадал в область её внимания помнили Бога и умели молиться. Теперь всё несколько иначе. Даже совсем иначе. Но сама она вовсе не безбожница.

– Молиться надо, – говорит она чрезвычайно покорным голосом. – И когда вслед за мной придёт та, чей приход я всегда отдаленно возвещаю, нужно будет тоже молиться. Сильно молиться. Люди об этом как-то подзабыли, а мне печально.

И тут она стала, вначале медленно, а затем всё более оживленно, рассказывать о том, какие странные настали времена. Как её заставляют завивать волосы и красить губы, танцевать и интересоваться политикой, путешествовать. О том, что она перестала сама себя в зеркале узнавать с тех пор, как появилась пластическая хирургия.

– Не то чтобы я стала красивее. Нет. Это мне как раз не к лицу. Но я чувствую, что поглупела.

Я уже перезабыла половину сказок, которые знала, и скоро, боюсь, разучусь разговаривать с маленькими детьми.

Она говорила много и с чувством. Она почти разжалобила меня, и это даже становилось забавным.

Никому не понравится, если от него все шарахаются и в испуге разбегаются. Никому. И старости тоже.

Всем хочется, чтобы в ответ на их робкий стук в дверь хозяева открывали с радостью и улыбкой. Всем. Даже старости.

И когда я расчувствовался от её рассказа, искра взаимной приязни неслышно сверкнула между нами.

– Ладно, говорит она. Ты извини за вторжение. Я пойду.

Я не смог попросить её остановиться.

– Я пока пойду. Но буду наведываться время от времени или смотреть на тебя издали. Так что ты, когда забудешь что-то (типа склероз) или не сможешь нитку в иголку вдеть, знай – это я рядышком хожу. На глаза лезть не буду. Ты мне симпатичен чем-то. Но буду потихоньку обычные твои волосы на седые менять, и всякое такое. У меня много невзрачных занятий.

С этими словами она пошла к дверям. А на пороге, обернувшись сказала:

– Ты только не бойся. И не нервничай. Я ведь не первый год рядом с тобой хожу. Просто время пришло открыто явиться. Всё по плану идёт. Своим чередом.

На этих словах она вышла. Не знаю, куда дальше пошла. Может, к соседям. Может, в сквер – на лавочке к кому-нибудь подсесть, познакомиться. Не знаю куда. Я не провожал.

Протоиерей Андрей Ткачёв
www.pravoslavie.ru

Мы Им живём и движемся, и существуем

Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)

В День Святого Духа надлежит нам обратить глубину мысли нашей к познанию Его. В молитве Святому Духу сказано чрезвычайно много: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины». Это наш Утешитель, Тот, Которого Господь Иисус Христос послал ученикам Своим, когда вознёсся от них на небо (см. Ин. 14, 18; 15, 26; 14, 26). Это Тот Утешитель, Который наполняет пустоту сердца нашего, отгоняет от него тоску, Единственный, Кто может нас подлинно утешить.

Многие люди пребывают в тяжкой тоске, в сознании пустоты и ничтожества собственной жизни. Они не знают полного, глубокого утешения, которое испытывают сердца христиан. Они не ищут Духа Святого, потому что не познали Его и живут сами по себе, без Бога. Утешает Дух Святой обыкновенных, далёких от святости христиан тогда, когда в скорбях они находят, что заслужены ими беды,

когда обращают ум и духовные очи в сердце своё и видят там множество грехов и нечистоту, и каются, и слезами омывают эту грязь и взывают: «Господи, Царю Небесный, Утешителю, Душе истины!» Нужно только всем сердцем желать этого утешения и очистить сердце.

Дух Святой именуется Духом истины, ибо только в Нём вся полнота истины. Истину познаёт лишь тот, кто имеет общение с Духом Святым, тот, кто получает благодать Духа Святого, направляющего мысль и чувства на путь истины. Многие пытаются найти истину там, где её нет, не зная, что вся истина – в Духе Святом. Они ищут правду в книгах философских, а находят её видимость, не понимая этой ложности. Но Дух Святой есть полнота истины.

«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй». То есть Дух Святой вездесущ и всё наполняет (по-церковнославянски слово «исполняй» значит «наполняющий»), Им живёт вся тварь, ибо Он – Податель жизни. Не знают и не могут знать серьёзнейшие учёные, откуда жизнь. Это величайшая загадка для науки. С самых древних времён научная мысль пыталась проникнуть в тайну жизни и объяснить, как из природы мёртвой вдруг возникла жизнь. В основе жизни всякой твари – животного и человека – лежит вещество, в науке называемое протоплазмой. Оно составляет существенную часть клеток, из которых построены тела живых существ. На вид протоплазма представляет собой мутную слизь, а в ней заключена безмерная сила жизни, неисчислимые тайны бытия. И учёные уже давно работают над тем, чтобы создать искусственную протоплазму из белков (ибо протоплазма – белковое вещество), но как ни стараются синтезировать её, ничего не выходит: жизненных свойств никакая комбинация белков не имеет.

Жизненную силу может дать только Тот, Кто всё живит, Кто есть Начало жизни – Дух Святой. И самое важное и безусловное подтверждение

этой истины дал Сам Господь и Бог наш Иисус Христос, сказавший: *Дух животворит...* (Ин. 6, 63). Этих двух слов Божественного Учителя достаточно для того, чтобы не искать ответа на вопрос о возникновении жизни ни в каких глубинах науки и считать единым Подателем жизни Духа Святого.

На первой странице книги Бытия читаем, что вначале сотворенная Богом земля же была *бездна и пуста*, большую часть ее составляла вода, и *Дух Божий носился над водою* (Быт. 1, 2). Что это значит? Это значит, что Он сообщал водам творческую энергию, необходимую для того, чтобы в них возникла жизнь; ибо первые живые существа: пресмыкающиеся, гады и рыбы – появились в воде. Жизнь возникла в воде силою и наитием Святого Духа.

Духом уст Бога созданы все Силы Небесные: *Словом Господним небеса утверждены, и духом уст Его все силы их* (Пс. 32, 6). Дух Божий оживил и первое тело человека, Адама, созданное из персти земной, ибо сказано в Писании, что в это тело *вдунул Бог дыхание жизни* (см. Быт. 2, 7). Тщетно искать другой источник жизни.

Что такое душа человеческая? Что такое дух человеческий? Человек создан по образу и подобию Божию. По какому образу? Старообрядцы представляют Бога Отца бородатым и потому бритые бороды считают искажением образа Божия. Но Бог бестелесен, и не тело человеческое будет подобием Его, а дух, являющийся дыханием Духа Святого. Но не только дух человеческий имеет начало от Духа Божия. Все создано, все живет и все движется лишь той духовной энергией, источником которой является Сам Дух Святой. Эта энергия, Дух Божий, во все проникает, всех освещает, все одухотворяет. И в животных, и в растениях есть малая частица Духа, ибо в них жизнь, а где жизнь, там и Дух Святой. Вместе с жизнью они получили слабое дыхание Духа Святого.

Жизнь подаёт Он в малой мере былинке и цветочку; жизнь высшего порядка в огромной мере подаёт Он людям, которые усердным исполнением заповедей Христовых удостоились стать храмами Святого Духа, живущего в них. Им подает Он в великом изобилии Свои дары: *любовь, радость, мир,*

долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22–23).

И не только в живых существах, но и во всей неорганической природе, которую люди слепо называют мёртвой: в скалах, реках, волнах морских, необозримых пустынях, – живёт Дух Святой и движет всем, ибо Он «везде сый и вся исполняй». Если бы не живил Дух Святой природу, то не существовало бы все мироздание в той дивной стройности и величии, в которых предстает оно перед нашим взором. Нельзя допустить, чтобы мир не был создан Богом. Мир был создан излиянием любви Божией. Все создано и движется любовью Божией, любовью Духа, Которым *живём и движемся и существуем* (Деян. 17, 28), как говорил апостол Павел в ареопаге Афинском.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какое значение имеет для нас и для всей природы та дивная Божия красота, которая сияет во всём мире? Откуда она и зачем? Неужели можно думать, будто красота имеет только цель практическую, утилитарную? Неужели можно сказать, что самцы птиц, имеющие прекрасное оперение и поющие так, как не поют самки, обладают этой красотой только для того, чтобы привлекать самок? Неужели ласкающие взор цветы сияют красотой только для того, чтобы приманивать своими красками и ароматом насекомых для оплодотворения их цветочной пыльцой? Конечно, нет.

Если бы, как думают материалисты, вся природа и весь мир создались сами собой только по законам целесообразности, то красоты не было бы в мире, ибо нет никакой внутренней связи между целесообразностью и красотой. То, что составлено из железа, чёрного каменного угля, глины и стекла, может быть глубоко целесообразно, но совершенно лишено красоты. Красота сияет во всем мире, красоту являет нам Бог и в самых нежных, самых слабых существах. Какая милая, кроткая, чистая красота глядит на нас из лепестков и венчиков незабудок и фиалок, этих нежных цветочков! Не задумывались ли вы, что эти Божии крошки: беленькие, розовые, голубенькие – учат нас чистоте и кротости, какой они сами полны? Надо иметь очень грубое сердце, чтобы не слышать этого голоса Божия, так ясно звучащего в красоте материальных форм природы.

От духа Его – великолепие неба (Иов. 26, 13). Неужели не задумывались вы над тем, что небо, на котором сверкают бесчисленные звёздные миры, имеет глубокое духовное влияние на наши сердца своей красотой? Ведь глядя в беспределное звёздное небо, мы воспринимаем идею бесконечности и вечности. Тихий внутренний покой, радостная улыбка при созерцании дивных красот утренней и вечерней зари, конечно, тоже от Духа Святого – Творца красоты.

Когда глядим на могучие, грозные скалы, вершины которых скрыты за темными тучами, когда в бурный день стоим у моря и видим, как ураган гонит по нему огромные волны, штурмующие прибрежные скалы, разве не трепещет сердце наше от могущества и силы природы? Ничтожными и слабыми чувствуем мы себя тогда и познаем все ее грозное величие. Так смиряет и поучает нас Дух Святой красотой Своих творений. Так раскрывается перед нами глубокая истина Слова Божия: *Дух всё проницает* (1 Кор. 2, 10).

Если природа таит в себе столько красоты, силы, мощи и молча возвещает о них, то что же сказать об Источнике этой силы и красоты – о Самом Господе? Дух Божий все наполняет Своей любовью. Вся красота: и та тихая и нежная, которая учит нас кротости и чистоте; и то грозное величие сил природы, которое приводит нас в трепет, – все это не что иное, как мощное проявление той одухотворенности природы.

Святой апостол Павел в Послании к Римлянам говорит, что язычники, не знающие Бога, безответны, ведь всё, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им... *Вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1, 19–20). То есть так ясно наблюдается в природе сила Духа и Божество, и безответны все, кто в слепоте своей не хочет видеть величия красоты, не чувствует дыхания Духа Святого в окружающем нас. Даже если не слышали они проповеди о Боге, сама природа проповедует о Нём. А они говорят, что нет Бога, что природа создалась благодаря случаю. Но как случай может создавать такую великую гармонию беспределного мироздания?

Дух Святой именуется «Сокровищем благ»,

всех благ, но не тех, которые ищут люди гордыне и самонадеянные, прилепившиеся к земному. Дух Святой есть Источник благ духовных, Податель всех высших сил духа человеческого. Он изливает любовь Свою как величайшее благо на все живое и любовью этой утешает нас. Все, кто идут путем Христовым и несут свой крест, явно, реально ощущают эти духовные блага, помошь Духа Святого, Его укрепляющую любовь.

Много тяжёлого в жизни нашей, много тяжёлого на пути архиерея и тяжёл омофор его, ибо велика ответственность его перед Богом. И в сокрушении моём сердечном Дух Святой утешил меня любовью, излившейся из ваших сердец. Ибо нет большего счастья, как жить среди любви, постоянно чувствуя любовь окружающих.

Вот что может дать Дух Святой, вот как бес前所未有ально велика благодать Его. И цель жизни нашей состоит в том, чтобы стяжать благодать Духа Святого, стать причастными Божеству, в том, чтобы всегда приобщаться Духу Святому, пребывать в постоянном общении с Ним. И мы имеем общение с Духом Божиим прежде всего и больше всего в молитве. Только тот, кто молится так, как преподобный Серафим Саровский, тысячу дней и ночей простоявший на камне, имеет полное и совершенное общение с Богом. Через постоянную молитву и исполнение заповедей Божиих достигали святые чистоты сердца, освобождения его Духом Святым от всякой скверны. Поэтому велико для нас значение последних слов молитвы Святому Духу: «Приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны». Только благодать Святого Духа подает нам силы к очищению сердец наших от гнездящейся в них всякой скверны плоти и духа.

Будем же неустанно взывать к Духу Святому словами молитвы. И придет Он, и вселится в нас, и соделает нас из нечистых и грешных святыми и праведными пред Богом. Да будет же со всеми нами благодать Пресвятого Духа, и да соделаемся мы чистыми храмами Его.

Аминь.

24 - 25 июня 1945 года

Притчи старца Паисия для маленьких

Почему Бог не дал человеку крыльев?

Один охотник еле взобрался на гору за зверем. Присев от усталости, он увидел стаю птиц и подумал: «Почему Бог не дал человеку крыльев?»

Шёл мимо отшельник и, узнав мысли охотника, сказал:

– Думаешь, отчего Бог не дал тебе крыльев? Но если дать их тебе, будешь недоволен и скажешь: «Почему я не Ангел?».

Став Ангелом, скажешь: «Почему Бог не дал мне управлять Небом?»

А если дано будет тебе управлять Небом, то и тогда не удовлетворишься, а захочешь большего.

Поэтому всегда смиряй себя и будь доволен тем, что тебе даруется, и тогда будешь жить с Богом.

Понял охотник, что это правда, и возблагодарил Бога за вразумление и за посланного монаха, который открыл ему путь смирения.

Как поделить сливы

Часто старца Паисия спрашивали, что такое справедливость? Как поступать справедливо?

Отец Паисий говорил:

– Есть справедливость человеческая, а есть Божественная справедливость.

– А что такое Божественная справедливость? – спрашивали его.

Тогда старец приводил такой пример:

– Представьте, что человек пришёл в гости к другу и у них оказалось десять слив. Один из них съел восемь, а другому досталось две. Это справедливо?

– Нет, – дружно ответили все, – это несправедливо!

Отец Паисий продолжал:

– Тогда так. У двух друзей было десять слив. Они поделили их поровну, по пять, и съели. Это справедливо?

– Да, справедливо! – сказали все.

– Но это – человеческая справедливость,

– заметил отец Паисий. – Есть ещё справедливость Божественная! Представьте, что один из друзей, у которых было десять слив, догадавшись, что другой очень любит их, сказал: «Будь другом, съешь эти сливы, я их не очень люблю. И к тому же у меня от них болит живот! Смогу осилить только одну».

Отдай другому то, что он хочет, а не половину, отдай ему хорошее, а себе оставь плохое. В этом и будет Божественная справедливость, – заключил свой рассказ старец.

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6
SUITES 618-619
147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000
(facing Hindmarsh square)
PHONE: (08) 722 518 89
(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:
GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)
GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)
Refer a friend and get ½ price tooth whitening
With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!
We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!
We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

**Morozov
Migration
Services**

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент **MARN 0852237**, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

- бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
- полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:
- независимая профессиональная спонсированная штатом/работодателем студенческие визы - визы партнера невесты - родительские визы
- туристические и Skills Assessment профессиональный перевод документов

**Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731
Пишите: info@morozovmigration.com.au**

Damien Elberg

Peter Elberg

**Peter Elberg
FUNERALS**

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends.

Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

**Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding**

***Proudly South Australian
Owned & Operated***

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

AUSTRALIAN
FUNERAL
DIRECTORS
ASSOCIATION